

Neunzehnhunderteinundzwanzig или Neunzehnhunderteinundvierzig

Дедушке Карлу было 85, когда он тихо, отошел в мир иной. После смерти бабушки, 1982 году, мама привезла дедушку жить к нам. Но Господом было отведено ему не много, И он прожил с нами всего пять лет. За это время я привязался к дедушке Карлу и испытывал к нему те обычные чувства, что испытывает внук к деду, прожившему долгую и нелегкую жизнь. Я часто вспоминаю наши с ним беседы. Ах, как жаль, что это общение было недолгим. Но даже за эти пять лет общения с дедом я искренне благодарен судьбе.

Дедушка, дедушка... Сколько ты мне поведал интересного. Но сколько неповеданного ты так и унес с собой! Помню, начнет дедушка что-нибудь рассказывать мне, увлечется, да и ну по-немецки шпарить. А я-то, хоть и не все понимал, что он говорил, не перебивал его и с большим удовольствием дослушивал его рассказ на родном ему диалекте. А рассказывал он о многом. Например, о той, как вели они в 20-е годы свое хозяйство на хуторе Миллерсфельд, или о том, как приходилось скрываться в Азербайджане от ареста Советской власти во времена раскулачивания. Рассказывал о строительстве Энгельсской оросительной системы, о выселении с Волги, о трудармии и еще о многом другом.

«В то время я учился в Волгоградском сельскохозяйственном институте и однажды случайно натолкнулся в одном из газетных киосков на альманах „Heimatliche Weiten“. В одном из выпусков был опубликован доклад Иоганна Виндгольца „Volksmusik der Sowjetdeutschen“. Это было первое мое знакомство с песенным фольклором российских (или, как тогда говорили, советских), немцев.

Как-то раз мы, я и дедушка Карл сидели и разговаривали. Вдруг мне пришла идея поговорить с дедушкой о том, какие народные немецкие песни он знает и помнит. Я достал с книжной полки альманах „Heimatliche Weiten“ (2/1983) и прочел несколько текстов песен. Но дедушка сказал, что никогда раньше их не слышал. Разговор как-то не шёл, и я не очень-то надеялся, что дедушка что-нибудь вспомнит. И вот:

**Neunzehnhunderteinundzwanzig
War fuer uns ein schweres Jahr. –**

Начал я читать очередную песню...

**Viele Menschen sind verhungert
Und verfrorer - das ist wahr. –**

продолжил за меня дедушка.

Боже! Дедушка не просто подтвердил, что он слышал эту песню, но даже сам продекламировал несколько строк из нее. Представьте мое возбужденное состояние!

Я начал расспрашивать. По словам дедушки первая строчка в песне звучала не „Neunzehnhunderteinundzwanzig“, а „Neunzehnhunderteinundvierzig“. И песню эту сочинил в трудармии (в Коми АССР) один человек. А потом ее распространяли между собой на клочке бумаги и заучивали наизусть. Возможно, это был измененный вариант песни о голоде 1921 года в Поволжье, так как многие строки ее подходят по смыслу к событиям, происшедшим с поволжскими немцами в 1941 году.

Я продолжил чтение. Дедушка молча слушал. Лицо его как-то сосредоточилось, взгляд ушел куда-то мимо меня, а мысли... А мысли понеслись в то далекое, ужасное время.

Александр Шпак